

Данил Юртаев

Озарение: Грейсгардский огонь

<https://litres.ru/74578193>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мир Эльма — не наш мир. Но законы — те же. Камень падает вниз. Вода течёт по склону. Огонь жжёт. И человек — может. Эльм Грейсгард — крестьянин, который стал бароном. Крестьянин, который получил знания из другого мира. Крестьянин, который построил город, освободил рабов и привёл мир к демонам. Но прежде всего — крестьянин. Который думал. И действовал.

Данил Юртаев

Озарение:

Грейсгардский огонь

ОЗАРЕНИЕ

Книга первая: Огонь среди льда

Фэнтези-роман

Мир трёх материков, окружённых океаном.
Мир, где люди порабощают зверолодей,
где церковь правит от имени королевы,
где за вечным туманом скрываются демоны.
И мир, где один крестьянин получит знания,
которые изменят всё.

* * *

ПРОЛОГ
МИР, КОТОРЫЙ БЫЛ

[Третий лик]

Океан был стар. Он помнил время, когда небо ещё не на-

училось плакать дождём, а земля — рожать траву. Он помнил, как на его груди выросли три материка, будто три ребёнка, которых он выносил и выплюнул из своих глубин, потому что не смог их переварить.

Первый материк — самый большой — лежал в северной части мира, и зима там была не временем года, а состоянием души. Снег ложился на поля за два месяца до сбора урожая и не уходил до середины весны. Люди говорили, что так было не всегда. Что когда-то южная половина материка принадлежала зверолюдям — народу с головами волков, кошек, медведей и оленей, — и они умели разговаривать с морозом, просить его отступить. Но зверолюди поссорились между собой, а мороз поссорился с ними, и вечная мерзлота поползла с севера, как болезнь, пожирая город за городом. Оставшиеся в живых бежали к людям — и люди встретили их с цепями.

Теперь на первом материке было одно королевство. Король сидел в столице Аэтербурге, герцоги — в своих уделах, бароны — в своих замках, и каждый тянул одеяло на себя. Зверолюди на шахтах, зверолюди на полях, зверолюди на кухнях. Рабство было законом, а закон был волей короля, а воля короля была волей Бога — так говорила церковь, чьи храмы стояли в каждом селе, чьи священники крестили каждого младенца и чьи инквизиторы жгли каждого, кто со-

мневался.

Второй материк лежал к юго-западу, тёплый и сырой, как ладонь ребёнка, который только что держал горячий пирог. Там раскинулось Святое Королевство — и слово «святое» в его названии значило больше, чем «королевство». Королева Изольда Третья сидела на троне в золотой короне, принимала послов, открывала балы и подписывала указы, которые писал за неё папа церкви Климент Двенадцатый. Папа сидел не на троне — на кресле из чёрного дерева, и этого было достаточно, чтобы все знали: настоящий правитель здесь он. Светская власть была ширмой, за которой стояла власть духовная, и кто не понимал этого, тот быстро понимал потом — обычно в подвалах инквизиции.

Третий материк лежал к востоку, и о нём почти ничего не было известно. Вечный туман — непроницаемый, белёсый, тёплый — стоял над ним, как крышка над котком. Корабли, которые пытались подплыть к его берегам, возвращались без экипажей или не возвращались вовсе. Те немногие, кто доплывал и выживал, рассказывали о существах из огня и тени, о замках, построенных из базальта и обсидиана, о небе, которое горит красным. Демоны — так их называли. Они не имели единого правителя, не имели единого языка, не имели единого бога. Они были сотнями племён, сотнями вождей, сотнями войн, и если бы кто-то смог их объединить, мир бы

содрогулся.

Но никто не мог. Пока.

Три материка, три народа, один океан. Мир, который был.

Мир, который скоро изменится.

* * *

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ КРЕСТЬЯНИН

* * *

ГЛАВА 1 МЕЛЬНИЧНЫЙ РУЧЕЙ

[Первый лик — Эльм]

Меня зовут Эльм. Мне двадцать три года, я крестьянин, и через два месяца на полях Милбрука созреет ячмень, если Бог будет милостив и мороз не придёт раньше срока.

Дядя Грейм говорит, что я слишком много думаю для крестьянина. Он прав. Но я ничего не могу с этим поделать —

я думаю, когда копаю землю, когда таскаю воду из колодца, когда рублю дрова, когда лежу на сеновале и смотрю в щели крыши на звёзды. Думать — это единственное, что мне не запретил барон.

Нашу деревню Милбрук — Мельничный ручей — называли так потому, что когда-то тут была мельница. Теперь от неё осталась только каменная труба, поросшая мхом, и ручей, который по-прежнему журчит, будто ему всё равно, что мельницы больше нет. Ручей — вообще существование философское: журчит и журчит, не спрашивая зачем.

Двадцать семь дворов. Сто сорок три человека, если считать младенцев и старика Бертольда, которого никто не считает, потому что он глухой и всё равно не услышит. Двенадцать звероловов — рабы барона, все кошачьи, все женского пола, все работают на кухне и в прядильне. Я вырос с ними на одном дворе, и меня до сих пор удивляет, что у них глаза желтее, чем у наших кошек, и что они плачут беззвучно — только уши прижимают.

Барон наш — Хорст фон Риль, молодой, двадцать восемь лет, рыжий, с лицом, которое не запоминается. У него сорок солдат, три коня и один эконо́м, который бьёт крестьян палкой по спине, если они не приносят положенную долю урожая. Барон Риль получает с Милбрука шесть мер ячменя,

четыре меры ржи, меру мёда и двух овец — в год. Это не много и не мало — это ровно столько, чтобы мы не умирали с голоду, но и не забывали, что мы ему должны.

Я помню, как стал ему должен. Мне было девять.

Мама умерла зимой. Эпидемия гриппа прошла по деревне, как невидимый жнец — забрала старуху Марту, двух детей кузнеца и мою маму. Она кашляла три дня. На четвёртый день перестала. Я сидел рядом и держал её за руку, и рука была тёплой, и я не сразу понял, что она уже мёртвая, потому что тёплая — значит живая. Мне сказал дядя Грейм, который пришёл утром и увидел, что я сижу и держу мёртвую маму за руку и разговариваю с ней.

Дядя Грейм — это брат моего отца. Высокий, молчаливый, с бородой, в которой застревают крошки от хлеба. Он жил в соседней деревне, в полудне пути, и приехал, когда услышал о маме. Он похоронил её за домом, под старой яблоней, и сказал: «Теперь ты будешь жить со мной».

Но через три месяца отца поймали.

Отец — Эрхард — работал на складе барона Рилия. Склад

был каменный, с тяжёлой дубовой дверью и замком размером с кулак. Там хранили зерно, мясо, соль и вино. Отец таскал мешки, считал меры, записывал приход и расход. Он умел считать — единственный в деревне, кроме эконома барона.

Зима была голодной. Эпидемия гриппа убила не только людей — она убила и часть урожая, потому что больные не могли жать, а здоровые были заняты больными. У нас с отцом оставалось еды на две недели. Он пошёл на склад ночью и взял меру ячменя и полтушки солёной свинины.

Его поймали на следующий день. Эконом барона считал зерно каждый день — это была его единственная радость в жизни, и он ей предавался с маниакальной страстью.

Отца судили на площади перед замком барона. Барон Риль — тогда ещё совсем молодой, двадцать два года, недавно получивший титул после смерти отца — сидел на деревянном кресле, накрытом медвежьей шкурой, и смотрел на отца сверху вниз. Отец стоял на коленях, руки связаны за спиной. Он не оправдывался. Он сказал только: «Мой сын был голоден». Барон Риль помолчал, потом кивнул, и палач натянул петлю.

Я стоял в толпе. Дядя Грейм держал меня за плечо, чтобы

я не бросился вперёд. Отец посмотрел на меня — я уверен, что посмотрел, хотя лиц его я не разглядел, потому что мешали спины взрослых — и кивнул. Просто кивнул. Потом люк открылся, и отец дёрнулся на верёвке, и я закричал, и дядя Грейм закрыл мне рот ладонью.

Это было четырнадцать лет назад. С тех пор я живу у дяди Грейма, копаю землю, таскаю воду, рублю дрова и думаю. Думаю о том, что мир устроен неправильно. Что человек, укравший меру ячменя, чтобы его сын не умер с голоду, должен умереть сам. Что барон, который украл у крестьян половину урожая, называется справедливым правителем. Что зверолоды, которые умели говорить с морозом, работают в шахтах по четырнадцать часов в день.

Думаю. И ничего не делаю. Потому что я крестьянин, а крестьянин — это человек, который копает землю и не задаёт вопросов.

* * *

[Третий лик]

Эльм не знал, что он отличается от других крестьян. Он думал, что все так же лежат ночью на сеновале и смотрят в щели крыши на звёзды и задают себе вопросы, на которые

нет ответа. Он не знал, что другие крестьяне засыпают, как только голова касается подушки, потому что тело, отработавшее четырнадцать часов в поле, не оставляет сил на раздумья.

Он был высокий — выше дяди Грейма на полголовы, — худой, с длинными руками, которые казались непропорционально длинными для его тела. Волосы тёмные, жёсткие, как лошадиная грива, никогда не стриженные коротко, потому что ножниц в доме не было. Глаза серые — обычные, ничем не примечательные, если не считать того, что в них было что-то, чего не было в глазах других крестьян. Не ум — ум у многих был. Не злость — злость у многих была тоже. Что-то третье, чему нет названия. Может быть, готовность. Готовность к чему-то, чего он сам не понимал.

Утро в Милбруке начиналось с петуха. Петух был один на деревню, принадлежал старосте Уве, и кукарекал он всегда на рассвете, с точностью, которой позавидовал бы любой церковный колокол. Эльм просыпался первым — раньше петуха — потому что спал чутко, как зверь, хотя зверем не был. Он выходил из дому, умывался у колодца, смотрел на восток, где небо из чёрного становилось серым, потом розовым, потом золотым. Он любил этот момент — момент, когда мир заново решает существовать.

— Эльм! — кричал дядя Грейм из дома. — Хватит паяльаться на небо, ячмень сам себя не прополет!

Дядя Грейм был добрым человеком в том смысле, в каком бывают добрыми люди, у которых нет причин для зла. Он не бил Эльма, не ругал его, кормил тем, что было, и учил тому, что умел: рубить дрова, чинить крышу, запрягать лошадь, отличать ячмень от плевел. Он был молчалив, но когда говорил, говорил веско, как человек, который экономит слова, потому что они у него последние.

— Дядя, — сказал Эльм однажды за ужином, — почему барон забирает шесть мер ячменя, а не пять?

— Потому что шесть, — ответил дядя Грейм и продолжил есть.

— Но почему шесть, а не пять? Кто это решил?

— Король решил.

— А король кто решил?

Дядя Грейм посмотрел на него долго, потом сказал:

— Эльм, не задавай вопросов, на которые нет ответов. От

этого только голова болит.

Эльм кивнул и замолчал. Но вопросы не исчезли — они просто улеглись на дно, как камни в ручье, и вода текла поверх них, и никто не видел, что они там.

* * *

ГЛАВА 2

ОЗАРЕНИЕ

[Первый лик — Эльм]

Это случилось в середине лета, за два месяца до сбора урожая.

Я полол ячмень на полосе дяди Грейма — треть акра, которую мы арендовали у барона за две меры ржи в год. Солнце стояло высоко, воздух дрожал над полем, как над раскалённой сковородой, и спина у меня горела, хотя я работал без рубахи. Руки были по локоть в земле. Колени — тоже. Ячмень был по пояс, зелёный, ещё не налившийся, и между рядами лезли сорняки — осот, пырей, выюнок — лезли жадно, как будто знали, что ячмень не их, и торопились занять место.

Я встал, чтобы разогнуть спину, и в этот момент увидел свет.

Не солнечный свет — солнце светило мне в затылок. Не молния — небо было чистое, без единого облака. Свет шёл откуда-то изнутри, из-за глаз, из-за мыслей, и он был не ярким, а скорее — пониманием. Как будто кто-то открыл дверь в комнате, в которой я жил всю жизнь, и за этой дверью оказалась другая комната, в тысячу раз больше, и в ней были вещи, которых я никогда не видел, но сразу узнал.

Я увидел мир. Не наш мир — другой. Мир, в котором люди не копают землю мотыгами, а пахут на машинах. Мир, в котором зерном не меряют корзинами, а взвешивают на весах и продают за бумажные деньги. Мир, в котором болезни лечат не травами и молитвами, а лекарствами, сделанными в больших домах, где работают учёные люди в белых одеждах. Мир, в котором не нужно ждать две недели, чтобы послать весть в соседний город, — можно сказать в маленькую коробочку, и тебя услышат за сто миль.

Я увидел двигатель. Не лошадь, не вола — машину, которая движется сама, потому что внутри неё горит огонь, и этот огонь толкает поршень, а поршень крутит колесо. Я увидел колесо с зубьями — шестерню — и понял, как две шестерни, зацепленные друг за друга, передают силу. Я увидел ток

— невидимую реку, которая течёт по медной проволоке и зажигает свет в стеклянной колбе. Я увидел бетон — смесь камня, песка и воды, которая твердеет и становится прочнее любого камня. Я увидел кран — рычаг на палке, который поднимает камни, которые десять человек не поднимут.

Я не могу объяснить, как это было. Это не было сном — я стоял на поле, с мотыгой в руках, и глаза были открыты. Это не было видением — я не видел образов святых или демонов. Это было как чтение книги, которую я никогда не держал, но страницы которой были у меня в голове, и я мог перелистывать их силой мысли.

И ещё я увидел другое. Я увидел, как устроен мир. Не наш — тот, другой. Но я понял, что устройство мира — одно и то же, что тот мир и наш отличаются только степенью. Что законы, по которым работает двигатель, — те же законы, по которым течёт вода в нашем ручье. Что ток, который зажигает свет, — тот же ток, который бьёт, когда туча проходит над головой. Что бетон — это просто камень, который научились делать жидким, а потом твёрдым.

Это длилось, может быть, минуту. Может быть, час. Я не знаю. Когда свет погас, я стоял на том же месте, с мотыгой в руках, и солнце было на том же месте в небе, и сорняки не выросли и не убежали. Но внутри меня что-то изменилось.

Как будто я был кувшином, в который налили воды, и кувшин был полон, и вода переливалась через край, и я не мог её удержать.

Я посмотрел на мотыгу и подумал: «Я могу сделать лучше».

Потом я упал.

* * *

[Третий лик]

Дядя Грейм нашёл Эльма лежащим в борозде, лицом вниз, между рядами ячменя. Сначала подумал — помер. Потом увидел, что дышит. Потащил в дом, положил на лавку, влил в рот воды. Эльм открыл глаза, посмотрел на дядю и сказал:

— Дядя, я знаю, как построить мельницу, которой не нужна река.

Дядя Грейм моргнул. Потом потрогал лоб Эльма — горячий, но не лихорадочный. Потом сказал:

— Ты перегрелся. Лежи.

— Дядя, — повторил Эльм, — я знаю, как построить мельницу, которой не нужна река. Ветряную мельницу. Ветер крутит колесо, колесо крутит жернов. Тебе не нужно ждать, пока ручей разольётся.

— У нас нет ручья, — сказал дядя Грейм, который был практичен. — У нас нет мельницы. О чём ты говоришь?

— Я говорю о том, что мы можем её построить.

Дядя Грейм посмотрел на него, покачал головой и пошёл за травами — заварить ему мяты, чтобы прошёл жар. Эльм лежал на лавке и смотрел в потолок, и в глазах его было то, чего дядя Грейм никогда не видел: спокойное, твёрдое, неуклонное намерение. Как у человека, который знает, что умрёт, но ещё не сегодня.

Три дня Эльм лежал. Не в беспамятстве — в работе. Он думал. Он перебирал то, что увидел, как человек перебирает зерно: отделял плевел от пшеницы, отбрасывал то, что не мог использовать, оставлял то, что мог. Он не мог построить двигатель — не было железа, не было печи, не было инструмента. Но он мог построить ветряк. Он мог построить водяное колесо. Он мог построить печь для обжига кирпича. Он мог сделать то, для чего нужны были только дерево, камень,

глина и труд.

На четвёртый день он встал и пошёл в поле.

Но не с мотыгой. С верёвкой и колышками.

* * *

ГЛАВА 3 МЕЖДУ МИРАМИ

[Первый лик — Эльм]

Я не рассказываю всего. Не потому, что не хочу — потому, что не могу. То, что случилось со мной в те три дня, пока я лежал на лавке, было слишком большим для слов, как океан слишком велик для ведра. Но я попробую.

Я был здесь. И я был там. Одновременно. Как человек, который стоит в дверном проёме — одна нога в одной комнате, другая в другой. Я не покидал тела — руки лежали вдоль тела, грудь поднималась и опускалась, дядя Грейм слышал моё дыхание. Но часть меня — большая часть — была в другом месте.

Я не знаю, как назвать это место. «Современный мир» —

так я называю его про себя, но это не совсем верно, потому что это не наш мир в будущем. Это другой мир, в котором всё по-другому, но законы — те же. Камень падает вниз. Вода течёт по склону. Огонь жжёт. Но люди в том мире научились использовать эти законы так, как мы и не воображали.

Я был там недолго — может быть, часы, может быть, мгновения. Но мне показалось, что я прожил там годы. Я ходил по их улицам — вымощенным камнем, с домами выше нашей церковной колокольни. Я видел их машины — телеги, которые движутся сами, без лошадей. Я видел их мастерские — огромные, с печами, в которых плавят железо так, как мы плавим воск. Я видел их книги — тысячи книг, в каждой — знания, которых у нас нет.

И я понял. Не головой — всем телом, каждой костью, каждым вдохом. Понял, что наш мир — это тот же мир, только в начале пути. Что всё, что они имеют, мы можем иметь. Что двигатель — это не чудо, а ремесло. Что лекарство — это не милость Бога, а труд человека. Что рабство — это не воля природы, а воля людей, и её можно сломать.

Я не запомнил всего. Это невозможно — как невозможно вычерпать океан ведром. Но я запомнил главное. Принципы. Законы. Идеи. Остальное можно было вывести — шаг за шагом, как выводишь геометрическую теорему из аксиомы.

Я вернулся. Открыл глаза. Увидел потолок — тёмные балки, паутина в углах, трещина, которая тянулась от одного края до другого. Увидел дядю Грейма, который спал на стуле, склонив голову на грудь, с мятой в одной руке и пустой кружкой в другой.

Я понял, что должен делать. Не всё сразу — я не мог построить их мир за один день. Но я мог начать. Начать с малого. С мельницы, которая не нуждается в реке. С печи, которая обжигает кирпич. С колодца с воротом, который поднимает воду в три раза быстрее, чем ведро на верёвке.

Я мог начать менять мир с того места, где стоял. С Милбрука. С поля, на котором рос ячмень.

Но сначала мне нужно было кое-что ещё. Мне нужно было стать кем-то большим, чем крестьянин. Потому что крестьянин, который строит мельницы, — это сумасшедший. А барон, который строит мельницы, — это правитель.

Как стать бароном? Я не знал. Но я знал, что мир меняется, и в изменениях есть место для тех, кто готов.

* * *

[Третий лик]

Эльм изменился. Дядя Грейм видел это, но не понимал. Прежний Эльм был тихий, задумчивый, покорный — из тех, кто делает, что скажут, и не задаёт лишних вопросов. Новый Эльм был тот же — тихий, задумчивый — но в нём появилась сталь, которую Грейм не узнавал. Не жестокость и не злоба — сталь. Холодная, упрямая, как клинок, который гнётся, но не ломается.

Первое, что Эльм сделал — пошёл к ручью и простоял там два часа, глядя на воду. Вернулся и нарисовал на земле палкой чертёж: круг с лопастями, ось, жернов. Дядя Грейм посмотрел и сказал:

— Это мельница.

— Ветряная, — сказал Эльм. — Не нужна река. Нужен ветер.

— Ветер есть, — согласился дядя Грейм, который не был глуп, хотя и не задавал вопросов. — Но кто будет строить?

— Мы.

Грейм хотел сказать что-то — может быть, «нас засекут»,

может быть, «барон не позволит», может быть, просто «ты спятил». Но посмотрел на Эльма и не сказал ничего. Потому что в глазах племянника было то, чего Грейм не видел никогда — ни у него, ни у кого-либо в Милбруке. Уверенность. Не дерзость, не бравада — уверенность человека, который знает, что прав, и знает, как доказать.

И Грейм, которому было шестьдесят два года и который видел в жизни мало чудес, кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Покажи мне.

* * *

Они строили ветряк три недели. Эльм работал ночью и в дождь — когда другие крестьяне спали или сидели по домам. Дядя Грейм помогал, хотя и ворчал. Дерево рубили в роще за деревней — тайно, по одному бревну за ночь. Лопасты вырезали из досок, которые сняли с заброшенного амбара на краю деревни. Жернов нашли — старый, треснувший, брошенный у старой мельницы. Эльм залатал трещину смесью глины и золы, и жернов снова стал целым.

Когда ветряк встал — некрасивый, кривой, с лопастями разного размера, — на него пришли смотреть все. Сто сорок три человека минус глухой Бертольд, который не слышал,

плюс двенадцать зверюшков, которых привёл эконом барона, чтобы они смотрели и учились, потому что эконом был не глуп и понимал, что бесплатная мельница — это выгодно.

Ветер дул. Лопасты скрипнули, закрипели, завращались. Жернов пошёл. Эльм сыпанул на него горсть зерна — и из-под жернова потекла мука, мелкая, белая, как снег.

Тишина стояла секунду. Потом все заговорили разом.

Эконом барона — тощий, с вечно кислым лицом — посмотрел на муку, пощупал её пальцами, понюхал и сказал:

— Барон должен знать.

Эльм кивнул. Он ждал этого.

* * *

ГЛАВА 4

БАРОН РИЛЬ

[Третий лик]

Барон Хорст фон Риль приехал через два дня. Он приехал не один — с десятью солдатами, экономом и капелланом,

отцом Бенедиктом, тощим и бледным человеком, который носил чёрную рясу и крест на шее и считал, что всё новое — от дьявола, пока не доказано обратное.

Ветряк стоял на холме за деревней и лопастями ловил ветер. Лопасты скрипели, но не ломались — Эльм укрепил ось клиньями из дуба, а подшипник сделал из бронзового кольца, которое нашёл в развалинах старой мельницы. Жернов вращался ровно, мука сыпалась в мешок, подвязанный под жерновом.

Барон Риль слез с коня, постоял, посмотрел. Потом подошёл, тронул лопасть рукой. Лопасть была грубая, из неотёсанных досок, но стояла крепко.

— Кто построил? — спросил барон.

— Я, — сказал Эльм.

Барон посмотрел на него. Крестьянин — высокий, худой, в заплатанной рубахе, босой, с руками, чёрными от земли. Обычный крестьянин. Ничего особенного.

— Зачем?

— Чтобы молоть зерно без реки, — сказал Эльм. — Ваша

МИЛОСТЬ.

— Я вижу, зачем. Я спрашиваю — зачем ты это построил?

Эльм помолчал. Потом сказал:

— Потому что могу, ваша милость.

Барон Риль был молод, но не глуп. Он знал, что крестьяне не строят мельниц — для этого нужен мастер, плотник, а плотник стоит денег. Крестьянин, который строит мельницу сам, — это либо сумасшедший, либо гений, и барон пока не мог понять, который.

— Покажи, как работает, — сказал он.

Эльм показал. Засыпал зерно, ветер крутил лопасти, жернов молот, мука сыпалась. Барон стоял и смотрел, и в голове его — молодой, честолюбивой голове герцогского племянника, которому достался маленький удел и маленький доход, — шла арифметика. Мельница на ручье даёт три меры муки в день. Эта мельница — без ручья, на ветру — может стоять где угодно. Если поставить десять таких — доход удвоится. Если двадцать — утроится.

— Эконом, — сказал барон, — сколько мы платим за по-

мол на королевской мельнице?

— Две меры с десяти, ваша милость.

— А эта мельница сколько будет стоить?

Эконом посмотрел на Эльма. Эльм сказал:

— Десять мер зерна на постройку, ваша милость. И три дня работы трёх человек.

Барон Риль помолчал. Потом повернулся к отцу Бенедикту:

— Что скажете, святой отец?

Отец Бенедикт смотрел на мельницу с выражением лица, с каким смотрят на змею, заползшую в храм. Он сказал:

— Если Бог хотел, чтобы мельницы крутились ветром, Он бы создал ветер с жерновами, ваша милость. Это — устройство, и устройство нехитрое. Но я не вижу в нём колдовства.

— Колдовства нет, — сказал Эльм. — Только дерево, камень и ветер.

Барон кивнул. Он постоял ещё минуту, глядя, как мука сыплется в мешок, потом повернулся к Эльму:

— Ты построишь мне пять таких. Я дам тебе людей и дерево. Если они будут работать — я тебя награжу. Если нет — ты вернёшься в поле.

— Они будут работать, ваша милость, — сказал Эльм.

Барон уехал. Эльм стоял на холме, смотрел ему вслед и думал: «Пять мельниц. Это начало».

* * *

[Первый лик — Эльм]

Я построил пять мельниц. Не за три дня — за три недели. Барон дал мне трёх плотников из замка и двух звероловов — волчьих, сильных, но угрюмых, которые работали, потому что должны были работать, и молчали, потому что им нечего было сказать. Я показал им чертежи, нарисованные углём на досках, — не те, что видел в озарении, а свои, простые, понятные. Лопасть — вот такой длины, под таким углом. Ось — вот такой толщины. Жернов — вот так вращается.

Плотники смотрели на чертежи и качали головами. Не по-

тому, что не понимали — потому, что никогда не видели чертей. Крестьяне строят по памяти, по привычке, по примеру. Чертёж — это язык, которого они не знали. Но я объяснил, и они поняли, потому что плотник — человек умный, руками он думает лучше, чем головой.

Первая мельница встала на холме у дороги. Вторая — у южного поля. Третья — у леса, где дует ветер с ущелья. Четвёртая и пятая — у самого замка барона, и это было мудро, потому что барон видел их каждый день из окна и каждый раз думал обо мне.

Зверолюди работали молча и быстро. Я не бил их — мне некогда было их бить, да и незачем. Я показывал, что делать, и они делали. Они были сильнее людей — волчьи челюсти, волчьи плечи, волчьи ноги — и понимали дерево лучше, чем я думал. Один из них, молодой, с серой шерстью и жёлтыми глазами, подошёл ко мне однажды вечером и сказал:

— Ты не бьёшь.

— Я не бью, — сказал я.

— Почему?

— Потому что ты работаешь, а не дерёшься. За что тебя

бить?

Он помолчал. Потом сказал:

— Меня зовут Рагн.

— Меня зовут Эльм.

— Я знаю, — сказал он и ушёл.

Через неделю барон приехал смотреть мельницы. Все пять крутились. Все пять мололи. Эконом барона считал муку и улыбался — впервые за всё время, что его видели в Милбруке, он улыбался. Мука была мелкая, чистая, без примеси песка и каменной крошки, которая была в муке с королевской мельницы.

Барон Риль стоял у пятой мельницы и молчал. Потом повернулся к эконому:

— Сколько?

— Восемь мер в день с пяти мельниц, ваша милость. Раньше мы получали три.

Барон кивнул. Потом повернулся ко мне:

— Эльм.

— Да, ваша милость.

— Ты построил мне пять мельниц, которые дали мне пять мер лишней муки в день. Это — хорошо. Но я хочу знать — что ещё ты можешь?

Я посмотрел на него. Молодой барон, рыжий, с лицом, которое не запоминалось, с глазами, которые были умнее лица. Он хотел большего. Он хотел не пять мер муки — он хотел пятьдесят. Он хотел не мельницы — он хотел богатство, власть, силу. Он хотел то, чего хочет каждый барон, который понимает, что его удел — мал, а мир — велик.

Я сказал:

— Я могу построить печь, которая обжигает кирпич лучше любого гончара. Я могу построить кран, который поднимает камни, которые десять человек не поднимут. Я могу построить водяной насос, который осушит болота на южном поле и даст вам ещё десять акров пашни. Я могу —

— Хватит, — сказал барон. — Ты будешь работать на меня. Я дам тебе людей, материалы и место. Ты будешь строить.

Что построишь — моё. Что захочешь взамен — скажешь.

— Ваша милость, — сказал я, — мне нужно одно.

— Что?

— Грейсгард.

Барон Риль моргнул. Грейсгард — руины на восточной границе удела, заброшенный город, который когда-то был крепостью, а теперь был кучей камней, заросших плющом. Никто не хотел Грейсгарда — он был далеко от дорог, далеко от полей, далеко от всего. Барон не получал с него ни меры зерна, ни монеты налога.

— Зачем тебе Грейсгард?

— Я построю там город, — сказал я. — И он будет приносить вам доход.

Барон посмотрел на меня, как смотрят на человека, который говорит, что может взлететь. Потом рассмеялся — коротко, сухо. Потом остановился. Потому что я не смеялся. Я стоял и смотрел на него, и в моих глазах была та же сталь, которую дядя Грейм увидел три недели назад.

— Грейсгард — твой, — сказал барон. — С титулом барона. Но если через год он не принесёт мне доход — ты вернёшься в поле. И не в поле дяди — в поле короля. На каторгу.

— Договорились, ваша милость.

Он протянул руку. Я пожал. Рука барона была мягкая — рука, которая держала меч, но не держала мотыги. Моя рука была жёсткая, как дерево. Мы стояли у мельницы, и лопасти скрипели над головой, и мука сыпалась в мешок, и эконом барона считал, и всё было так, как должно было быть.

Я стал бароном. Эльм Грейсгард. Крестьянин, который получил титул за пять мельниц.

* * *

ЧАСТЬ ВТОРАЯ БАРОН

* * *

ГЛАВА 5 ГРЕЙСГАРД

[Третий лик]

Грейсгард был стар. Старше Милбрука, старше замка барона Рилия, старше, может быть, самого королевства. Он стоял на скале над рекой Грей — узкой, быстрой, холодной, — и река огибала его с трёх сторон, как кошка обнимает ноги хозяина. Когда-то Грейсгард был крепостью — стены из серого камня, четыре башни по углам, ворота из дуба, окованного железом. Но стены обрушились — не от врага, от времени. Башни превратились в холмы, заросшие плющом и терновником. Ворота сгнили и упали внутрь, и по ним grew мох, и никто не помнил, когда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.